

Г р е ч а н к ѣ.

Ты рождена воспламеняшь
Воображеніе Поэшовъ,
Его шревожишь и плѣняшь
Любезной живостью привѣшовъ,
Восточной справивсшью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
И эшой ножкою нескромной.
Ты рождена для нѣги шомной,
Для упоенія шпрасстей.
Скажи: когда пѣвецъ Леилы
Въ мечпахъ небесныхъ рисовалъ
Свой неизмѣнный идеаль,
Ужь не себя ль изображалъ
Поэшь мучительный и милый?
Бышь можешъ, въ дальной споронѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя шпрадалецъ вдохновенный
Узналъ иль видѣлъ, какъ во снѣ,
И скрылся образъ незабвенный
Въ его сердечной глубинѣ.
Бышь можешъ, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ;
Невольный шпрепешъ возникалъ
Въ швоей груди самолюбивой,
И шы, склонясь къ его плечу
Нѣшь, нѣшь, мой другъ! мечшы ревнивой
Пишашъ я пламя не жочу:

Мнѣ долго счастье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждаюсь мнѣ,
И пайной грустію помимъ,
Боюсь: невѣрно все, что мило!

А. Пушкинъ.

П Е Р С Т Е Н Ъ .

О перстень, часто на рукахъ
Увянувшей любви блестящая примѣта,
Или залогъ надеждъ, лелѣемыхъ въ сердцахъ —
Что скажешь на рукѣ шы у меня, Поэта?
Ни слова, никому, какъ дружбы знакъ простой.

Но, перстень золотой!

О милый даръ волшебницы мнѣ милой!
Ей — выскажи шы все, шверди и про меня;
Надъ робкой красотою шы будь съ сего же дня
Мой палисманъ съ неопразимой силой:

Осуществи для насъ любви златые сны,
И будешь, перстень шы, кошорымъ вѣшь цѣни!

Гнѣдичъ.
